

Однако уже к вечеру на столе князя дымился аппетитный ужин: сочная отварная свинина, которую полагалось макать в острый чесночный соус, нежное яйцо, обжаренное с сочным диким луком, и наваристый суп с бараньими фрикадельками и редькой. Нашлось место и сытной кукурузной каше с бобами, только-только снятой с плиты — её томили в огромном котле, отчего она сделалась удивительно густой и разваристой. Но главным украшением стола стала тарелочка пряных баклажанов, фаршированных чесноком.

Ужиная, Ван Цзо поинтересовался у Ван Фугуя:

— Чем сегодня кормят в тюрьме?

— Для арестантов сегодня приготовили кислую капусту, тушённую с подмороженным тофу, и ту самую кукурузную кашу с чесночными баклажанами, — почтительно доложил Ван Фугуй, стоявший подле стола. — Слугам подали суп с фрикадельками из редьки и пышные лепёшки, а на закуску — всё те же баклажаны. Стражникам же в огромном котле варят наваристый бульон с бараниной и редькой. Это им на ночной перекус: в полночь каждый получит по большой миске, чтобы согреться в карауле. А вот яйцо с луком... Маленький тюремщик Дин приготовил отдельно. Вышло три тарелки: одну он оставил себе, вторую отнёс господину Ду, а третью... прислал вам.

Ван Цзо с удовольствием закончил ужин.

Тем временем к Дин Тяню снова пришёл Линь Ци.

— Что ты зачастил-то сюда? — беззлобно проворчал юноша, встречая гостя.

— Говорят, завтра начнут распродавать арестантское имущество да слуг, — Линь Ци выложил на стол добрый шмат ароматного прессованного зельца из свиной головы. — Тянь-эр, выручи, а? Можешь ты завтра... ну, поспособствовать?..

— Не могу, — Дин Тянь решительно покачал головой. — Выбрось эти глупости из головы. Торги-то казённые!

Ещё в первые месяцы службы Дин Тянь досконально изучил законы Великой Цин. «Казённая продажа» означала, что торги ведёт само ведомство. Когда судили коррумпированных чиновников, всё их имущество шло с молотка, включая многочисленную челядь. В глазах закона эти несчастные, рождённые в бесправном сословии, ничем не отличались от рабочего скота. Они были лишь графой в описи конфискованного имущества. Таких слуг продавали безжалостно, но правила были строги: цену устанавливала казна, а покупатели охотно шли на эти торги, зная, что сделка чиста и законна.

К тому же чиновники строго отбирали покупателей. Простому люду крепостных не продавали. Во-первых, закон сурово карал союзы между благородными и подлыми сословиями: власть следила, чтобы простолюдины не брали в дома смазливых рабынь, дабы те не рожали им детей. Во-вторых, содержать слуг — дело разорительное. Обычной семье они попросту не по карману, да и нужды в них нет. Позволить себе дворню могли лишь богатые землевладельцы да чиновники. Куда уж тут Линь Ци, простому службе управы? Ему о таком и мечтать не стоило.

Линь Ци совсем сник:

— Да я просто...

— И не думай о ней больше. Избалованная барская девка тебе не пара.

— Скорее, это я ей не подхожу, — вздохнул Линь Ци, явно тоскуя по красавице. — Она же краше весеннего цветка, а я кто? Простой служка из управы.

— К тому же вспомни государственные уложения, — наставительно произнёс Дин Тянь. — Во-первых, свободным запрещено жениться на подневольных. Во-вторых, мужчина может взять наложницу, только если ему исполнилось сорок лет, а законная супруга так и не подарила ему наследника. Выбрось эти мысли из головы.

Закон Династии Цин в этом отношении был неумолим: лишь дожив до сорока лет и оставшись бездетным, простолюдин имел право привести в дом наложницу, чтобы продолжить род. Эти две преграды стояли между ними непреодолимой стеной.

— Эх... — Линь Ци тяжело, тоскливо вздохнул.

— Я понимаю, она пленила тебя своей красотой, — мягко заговорил Дин Тянь, стараясь утешить приятеля. — Но ведь молодость быстротечна, брат Линь Ци. Годы сотрут былую прелесть. Что ты будешь делать, когда она состарится, а ты поймёшь, что совершил ошибку? Прошлого ведь не веротишь.

Служка управы угрюмо молчал. Он наспех поужинал у Дин Тяня, а вернувшись к себе, в одиночку приговорил пол-литра крепкого вина и забылся тяжёлым пьяным сном.

Наутро в тюрьму прибыли судебные приставы. Они начали выводить из камер домашнюю челядь низложенного судьи Ма — слуг, кухарок и горничных, что заметно разгрузило тюрьму и облегчило жизнь Дин Тяню.

Первыми на торги погнали тех, кто не пользовался благосклонностью господ. Поначалу людей выводили целыми семьями, но затем безжалостно разделяли. Родителей разлучали с детьми,

мужей — с жёнами. Семьи распадались на куски, несчастных увозили в разные концы страны, и никто не знал, увидятся ли они вновь. Такова была горькая участь невольников.

Дин Тянь впервые по-настоящему осознал, в каком суровом мире оказался. Здесь не было и речи о равенстве или сострадании; правили лишь сословия, чины да высокое происхождение. Почти за год службы на благо уезда он впервые столь близко соприкоснулся с жестокой изнанкой этого мира.

За два дня в управу наведались больше двух десятков торговцев людьми. Слуг бывшего уездного судьи Ма раскупили подчистую. Проданные поодиночке, они едва ли когда-нибудь встретятся вновь.

Поговаривали, будто даже хозяева весёлых заведений из управы присылали своих людей присмотреть живой товар — смазливые служанки из дома Ма славились на всю округу. К счастью, в бордели никого не отдали, и это было единственным, что хоть немного утешило Дин Тяня.

Однако стоило освободиться камерам, как в них завели новых арестантов. На сей раз пригнали сразу два семейства.

— Личный советник Цянь? Личный советник Син? — Дин Тянь так и замер на месте, не веря собственным глазам.

Когда в тюрьму бросили господина Ма с чадами и домочадцами, его советников среди них не оказалось. Дин Тянь тогда понадеялся, что беда обошла их стороной, но, как выяснилось, радовался он рано. Всё это время бывшие личные советники судьи томились под домашним арестом, поскольку в камерах попросту не хватало места. Теперь же, когда часть арестантов распродали, пришёл черёд и советников. Их имущество конфисковали, дворню пустили с молотка, а самих бедолаг вместе с жёнами и детьми приволокли в уездную темницу.

— Маленький тюремщик Дин... — уныло вымолвил один из них.

Былой спеси с советников как не бывало.

— Что ж... Проходите, — вздохнул Дин Тянь. — Разлучать вас с семьями не стану, выделим каждой семье по отдельной камере побольше.

В тюрьме имелись просторные семейные камеры — всего две во всём крыле. Обоих советников сперва отправили в баню, а затем разместили по этим комнатам. Без многочисленной челяди их семьи оказались совсем небольшими, к тому же с ними были маленькие дети, которым куда лучше находиться под боком у матерей.

— Премного благодарны, — бывшие советники смиренно сложили ладони в приветствии и

покорно зашли в камеры.

Дин Тянь не водил с ними дружбы, а потому, заперев двери, поручил уход за новыми узниками тюремным слугам. Те должны были лишь разносить еду да следить за чистотой, но ключи парень по-прежнему держал при себе. Топить печи и убирать нечистоты можно было снаружи, так что лишний раз отпирать засовы не требовалось.

Свою связку ключей молодой главный тюремщик берёг как зеницу ока, никому не позволяя даже прикоснуться к ней. Все эти дни он безвылазно сидел в управе, а через Лю Сэня передал восточку третьему дяде: мол, на службе полно хлопот, домой в ближайшее время не ждите. Он также велел родным без нужды на улицу не соваться, а тихо сидеть по избам да коротать зиму.

Вернувшись, Лю Сэнь выглядел столь озадаченным, что Дин Тянь невольно встревожился:

— Что стряслось? Неужто с моими что-то случилось?

— С твоими всё в порядке... Но вот семьи Гао и Чэнь... Их тоже взяли под стражу.

— Гао и Чэнь? — Дин Тянь на миг растерялся. — Каких ещё?

— Да те самые! Семья молодого господина Гао и те Чэни, что расторгли с тобой помолвку, — запинаясь, пояснил Лю Сэнь. — Поговаривают, они спелись с двоюродным братом супруги судьи Ма и втихую распродавали казённое зерно. Теперь их лавки опечатаны, а имущество конфисковано.

— Да ну? — у Дин Тяня от изумления едва глаза на лоб не полезли.

— Истинная правда! Оказывается, всё зерно в их лавках было ворованным — они таскали его из государственных амбаров, не платя ни единой медной монеты! Потому и скупали у крестьян урожай за бесценок, ведь у них самих расходов не было... Теперь лавочке конец: дома опечатали, самих под замок. С минуты на минуту сюда пришлют. Их торговые лавки тоже пустят с молотка, чтобы хоть как-то покрыть казне огромную недостачу.

— Вот оно как... — усмехнулся Дин Тянь.

Уж чего он точно не ожидал, так это краха семейств Гао и Чэнь. Впрочем, если подумать, обе семейки стояли друг друга: всё искали выгоду да заискивали перед сильными мира сего, вот и доигрались.

Стоило Лю Сэню уйти, как ещё до ужина в тюремный двор доставили новых арестантов. Слуг при них уже не было — видно, распродали в первую очередь. Шум эти две семьи подняли невообразимый: крики, плач и ругань огласили своды темницы.

Чэни яростно набросились на Гао. Жена Чэнь Лаоды, старшего сына покойного сударя Чэня, слыла на всю округу редкостной хабалкой. Когда старый сударь скончался, братья сразу же разделили наследство. Младшие, второй и третий сыновья, тут же собрали вещи и уехали из уезда Бычьего Рога, оборвав все связи со старшим братом. Семья фактически распалась.

Именно тогда, после вероломного расторжения помолвки, прежний Дин Тянь не выдержал позора и скончался от горькой обиды. Позже вздорная баба даже пыталась устроить скандал в трактире, и если бы Дин Тянь тогда не приструнил крикливых кумушек, те смешали бы его с грязью.

Теперь же Дин Тянь, облачённый в форменное платье главного тюремщика, молча созерцал поверженных врагов. Членов семьи Гао оказалось немного: старая госпожа, сам богач Гао с супругой, а также его наложница — бывшая служанка госпожи Гао — со своим восьмилетним сынишкой, вторым молодым господином. Законная супруга родила богачу лишь одного наследника — старшего молодого господина Гао. Их дочь уже давно выдали замуж и увезли куда-то далеко, так что она избежала общей участи.

Богач Гао, привыкший к холе и сытости, заметно погрузнел. Раньше он всегда добродушно улыбался, хотя под этой личиной скрывался беспощадный и хваткий делец. Сейчас же от его былой солидности не осталось и следа. Старший молодой господин Гао выглядел совершенно потерянным, а его молодая жена, Чэнь Мэй, застыла рядом безмолвным изваянием.

Не успели они справить свадьбу, как грянул гром, и всё семейство угодило за решётку.

Дин Тянь велел слугам греть воду, чтобы вымыть и переодеть новоприбывших. У арестантов изъяли все ценности до последней безделушки. Тюремщики сняли даже серебряный замочек-оберег с шеи маленького барчука, отчего семейство Гао залилось горькими слезами.

Но по-настоящему громкий скандал закатили Чэни.

— Руки прочь, это моё добро! — визжала супруга Чэнь Лаоды.

Вздорная баба мёртвой хваткой вцепилась в свои побрякушки: серебряную шпильку в волосах, золотые серьги, кольца и массивные серебряные браслеты.

— В тюрьме господ нет! Снимай всё живо! — прикрикнули на неё банщицы.

Крепкие бабы из прислуги быстро утихомирили скандалистку. Навалившись гурьбой, они бесцеремонно обобрали её и содрали одежду, не оставив даже исподнего. Наглость с крикливой бабы тут же слетела.

Оставшись нагишом, человек мгновенно теряет уверенность и сжимается от страха. Вот и супруга Чэнь Лаоды присмирела. Её бесцеремонно, словно свиную тушу перед опалкой, облили

горячей водой и принялись тереть жёсткими мочалками. С неё сошло столько грязи, что банщицы брезгливо морщились:

— Ну и неряха! Землю с неё, что ли, горстями собирать?

После мытья арестантам выдали поношенные, но чистые тюремные робы. Одежда была тёплой и добротной, хотя и сидела на них мешком. Наконец всех распределили по камерам: мужчин заперли в одном крыле, женщин — в другом.

Новых узников разместили по соседству с семьёй низложенного судьи Ма. Мужчины вели себя относительно смирно, лишь тихо ворчали да упрекали друг друга в глупости. Зато в женском крыле разверзся настоящий ад. Бабы из трёх семейств принялись лаяться без умолку.

Верховодила, разумеется, невестка Чэней. Своим ядовитым, злым языком она так честила супругу и наложниц бывшего судьи Ма, что те лишь хватали ртом воздух и закатывали глаза от ярости.

Старая госпожа Гао и вовсе лишилась чувств. Ей и в страшном сне не могло привидеться, что мать её невестки окажется такой базарной хабалкой. Пожилая женщина проклинала тот день, когда согласилась на этот брак: её локти были искусаны, а сердце разрывалось от горького раскаяния. Она и прежде не жаловала Чэнь Мэй, а теперь и вовсе возненавидела девицу всей душой.

Визг и проклятия стояли такие, что даже привычные ко всему надзирательницы взмолились, жалуюсь Дин Тяню:

— Главный тюремщик Дин, сделай же что-нибудь! В женском крыле и так теснота, а теперь там ор стоит пуще, чем на птичьем рынке!

— Ладно, пойду приструню их, — Дин Тянь снял с гвоздя связку ключей и направился к камерам.

В женском блоке по-прежнему кипели нешуточные страсти:

— Да за какие грехи нашему роду Чэнь достались такие проклятые родичи?! — завывала невестка Чэней. — Моя доченька могла бы составить счастье любому достойному человеку! А вы, паршивые Гао, мало того что сами в грязь полезли, так ещё и нас за собой утянули!..

— Замолчать! — ледяным тоном оборвал её Дин Тянь. — Ещё хоть один звук услышу — и вся твоя семейка останется без ужина. Раз у тебя хватает сил на пустую брехню, значит, не так уж ты и голодна. А если кто посмеет поделиться с тобой хоть крошкой — лишится своей пайки!

— Тянь-эр, сынок... — тут же сменила тон невестка Чэней, уцепившись за призрачную

соломинку бывшего родства. — Ты ведь не забыл, что когда-то был помолвлен с нашей Мэйцзы?..

— Ту помолвку вы сами расторгли, а твоя дочь теперь носит фамилию Гао, — отрезал Дин Тянь.

Он смерил её взглядом, полным такого глубокого презрения, что баба невольно отшатнулась.

— И видит небо, я безгранично рад, что судьба отвела меня от вашей семейки.

— Да как ты... — задохнулась от возмущения невестка Чэней, но тут подала голос госпожа Гао:

— Куда твоей девке тягаться с Маленьким тюремщиком Дином?! Да она и мизинца его не стоит! Твоя дочка — бесстыжая тварь, которая сама вешалась на мужчин! Наш мальчик просто ослеп, раз притащил в дом эту дрянь!

От былой спеси и гордости Чэнь Мэй не осталось и следа. Сжавшись в комок в самом тёмном углу камеры, она сидела неподвижно, словно не слыша ни оскорблений свекрови, ни визгливых оправданий матери. Лишь когда раздался голос Дин Тяня, она медленно подняла голову и устремила на него мокрый от слёз, полный мольбы и девичьей тоски взгляд.

<http://bllate.org/book/19387/1997494>